

содержащим классификацию всех зафиксированных простых глаголов, эта часть мунджанской морфологии освещается достаточно понятно (§§ 105—110, стр. 434—444). Вместе с тем можно заметить, что раздел о морфологии совершенных форм, пожалуй, чрезмерно лаконичен (§§ 100—104, стр. 433—434). В этом разделе в табл. 15 не указаны возможные типы конструкций перфекта с неоформленными прямыми дополнениями в 1 и 2-м лице. В § 103, предвещающем табл. 16, очевидно, опечатка — следует читать: непереходного глагола. Эта опечатка тем более досадна, поскольку примеры, приводимые и в табл. 15 и в табл. 16, даются без перевода.

Большим достижением является выделение в мунджанском четких говорных различий. Выделяемые автором три говора именуются, правда, не всегда единообразно. Так, в очерке они называются: нижний, центральный и верхний, а на прилагаемой карте обозначены соответственно как северный, центральный и южный.

В целом можно утверждать, что книга А. Л. Грюнберга полноценно и достовер-

но представляет мунджанский язык, к которому теперь уже нельзя прибавлять эпитет «малоисследованный».

Судя по заголовку, автор намеревается посвятить описанию языков Восточного Гиндукуша целую серию, которая по представленным в ней материалам и качеству их интерпретации (как видно по рецензируемой книге) обещает превзойти хорошо известную серию Г. Моргенштерне «Indo-Iranian Frontier languages» (Oslo, 1929—1956).

В этой связи можно еще раз напомнить, что вряд ли у лингвистов есть в настоящее время более неотложная задача, чем фиксация исчезающих языков и диалектов. В условиях нарастающего двуязычия процесс отмирания исконной лексики, обеднения морфологии и уподобления фонетических и синтаксических структур происходит стремительно и неотвратимо. Так, А. Л. Грюнберг уже не застал в мунджанском некоторых слов, которые фиксировались его предшественниками несколько десятилетий тому назад.

И. М. Стеблин-Каменский

З. Ю. Кумахова. Развитие адыгских литературных языков. — М., «Наука», 1972. 280 стр.

История развития и становления литературных языков народов СССР и зарубежных стран разрабатывается достаточно широко, и тем не менее до сих пор в лингвистической литературе не получили однозначного решения многие проблемы, касающиеся литературных языков. Более того, само понятие литературного языка продолжает оставаться недостаточно четким. Нередко наблюдается отождествление понятий «литературный язык» и «письменный язык». Указывая, что, с одной стороны, это приводит к расширительному толкованию понятия «литературный язык» (поскольку под этим термином иногда понимается любой графически запечатленный текст речи), а с другой, рамки литературного языка сужаются (ограничиваются только письменной формой существования языка), автор рецензируемой монографии придерживается мнения, что литературный язык функционирует в двух разновидностях — устной и письменной.

Изучение вопросов развития и становления адыгских литературных языков фактически началось с момента создания письменности на этих языках. Тем не менее, многие из этих вопросов оставались не освещенными в адыгском языкознании. В монографии З. Ю. Кумаховой на широком фактическом материале рассматриваются фонетические, морфологические, синтаксические и лексические явления адыгских литературных языков в их развитии и становлении. Значитель-

ное место отводится вопросам нормы, социальной дифференциации адыгских языков, соотношения различных форм их существования («Введение», стр. 5—11, гл. I «Создание письменности», стр. 12—28). Автор уделяет особое внимание проблеме вариативности на разных уровнях языковой структуры, подробно исследует иноязычный вклад в адыгских языках, рассматривает принципы разработки алфавитов, орфографии и терминологии, выявляет их достоинства и недостатки (гл. II «Вопросы алфавитов, орфографии и терминологии», стр. 29—54).

В гл. III «Фонетика» (стр. 55—101) З. Ю. Кумахова отмечает, что многие вопросы фонетики адыгских литературных языков до сих пор не получили однозначного решения. К ним относятся, например, вопрос о количестве фонем в этих языках. На основе анализа исконной адыгской лексики здесь выделяется 54 согласных фонемы в адыгском литературном языке и 47 согласных фонем в кабардино-черкесском литературном языке. На характеристике консонантизма следовало бы остановиться более подробно, но ограничиваясь ссылкой на ранее опубликованную статью¹.

¹ З. Ю. Кумахова, К фонологической интерпретации консонантизма в адыгских языках, сб. «Вопросы исторической фонетики и фонологии горских иберийско-кавказских языков. Тезисы докладов», Тбилиси, 1967.

Остается спорным вопрос о ларингальном / в кабардинском языке. Автор рассматривает ларингальный / как самостоятельную консонантную фонему в адыгских языках. Однако в кабардинском этот согласный встречается только в позиции перед гласными (*Ia, Ia, Iy, Ie, Iu, Iy*). Поэтому самостоятельность этого согласного можно поставить под сомнение: очевидно, здесь представлено такое же явление, которое известно в немецком языке под названием «сильного приступа»².

В отношении вокализма принимается точка зрения, согласно которой в адыгских языках имеется всего три простых гласных фонемы: краткая *ы*, средняя *э* и долгая *а* (как известно, число гласных фонем адыгских литературных языков, по определению различных исследователей, колеблется от восьми до нуля).

Касаясь все еще нерешенного вопроса о заимствованных фонемах, представленных в объемистом лексическом слое заимствований из русского или через русский язык, З. Ю. Кумахова полагает, что речь должна идти о степени адаптации иноязычных фонологических подсистем. Разграничиваются два этапа адаптации иноязычных фонем. На первом этапе такие фонемы в составе заимствования употребляются в определенных стилях речи. На втором этапе фонема проникает в фонологическую систему языка. В адыгских литературных языках следует говорить о существовании различных фонологических подсистем в пределах всей лексики (исконной и заимствованной). Адаптация иноязычной фонемы происходит в определенных условиях. Так, при наличии изолированных фонем могут образоваться бинарные оппозиции путем заполнения пустых клеток. Примером может служить оппозиция *в : ф* в адыгейском литературном языке, которая реализуется в пределах поздней заимствованной лексики. Путем заполнения пустой клетки образовалась и пара *h : x* в адыгских языках, причем звонкий ларингал усвоен из арабских заимствований. В книге освещаются другие пути усвоения иноязычной фонемы, а также закономерности фонетической адаптации заимствованной лексики и вопросы орфоэпии.

В гл. IV «Морфология» (стр. 102—144) рассматриваются морфологические изменения в адыгских литературных языках, происходящие под действием внутренних и внешних факторов, причем последние нередко переплетаются между собой. В развитии морфологической системы адыгских литературных языков обнаруживаются разнонаправленные тенденции. С од-

ной стороны, в морфологии наблюдается усиление элементов синтетизма: таково, например, слияние указательного местоимения *а* «этот» с глагольной формой. С другой стороны, наблюдается усиление элементов аналитизма, распространяющегося в основном на парадигматику заимствованных слов. Для кабардино-черкесского, как и для других адыгских языков, характерна, например, нейтрализация противопоставления им. и эргат. падежей для многих групп иноязычной лексики. Это явление, как и отсутствие противопоставления им. и эргат. падежей во многих топонимических названиях, З. Ю. Кумахова относит к инновациям.

Считая, в частности, подобное неразличение падежей во многих фамилиях иноязычного происхождения (например: *Пушкин итхаш* вместо *Пушкиным итхаш* «Пушкин написал») новообразованием, автор не учитывает, однако, возможность и другого объяснения этого явления. Дело в том, что исконные имена и фамилии в адыгских языках обладают разными словоизменительными парадигмами: имена не различают им. и эргат. падежей, в то время как в адыгских фамилиях эти падежи последовательно противопоставляются друг другу. В случаях типа *Пушкин итхаш* «Пушкин написал» не исключена возможность действия грамматической аналогии; если принять это предположение, то здесь происходит парадигматическое выравнивание под давлением системы словоизменения собственно адыгских личных имен (носитель языка может воспринимать *Пушкин* как имя; к этому следует добавить, что в адыгских языках фамилии типа *Чапеев, Буденный* нередко используются как личные имена).

Существенной чертой адыгских литературных языков в рецензируемой книге признается вариантность морфологических форм, вопрос о которой до сих пор не ставился в адыгском языкознании. Между тем варианты формы многообразны по своему происхождению (в монографии они показаны на большом фактическом материале) и играют важную роль в развитии адыгских литературных языков.

В гл. V «Синтаксис» (стр. 145—175) освещаются явления, обусловленные как внутривидовыми факторами, так и образованием по иноязычным синтаксическим моделям. Синтаксис письменной разновидности адыгских литературных языков испытывает влияние русского языка. С этим влиянием связано, например, формирование некоторых типов сложных предложений с новыми подчинительными союзами в адыгских языках. Точно так же влиянием иноязычных (русских) синтаксических моделей объясняется активизация различных типов сложносочиненных предложений с сочинительными союзами, широкое распростра-

² См. об этом: А. Х. Шарданов, Фонетические заметки, «Уч. зап. [Кабардино-Балкарск. гос. ун-та]», 7, Нальчик, 1960.

нение конструкций с вводными словами, предложений с группой однородных членов. То же самое объяснение дается в рецензируемой книге и некоторым типам сложноподчиненного предложения, как и способам построения прямой и косвенной речи в адыгских литературных языках. В результате взаимодействия разноструктурных языков происходит развитие и некоторых существующих в языке конструкций. Важное место среди синтаксических инноваций, исследуемых З. Ю. Кумаховой, занимает инверсия. В разделе о синтаксических вариантах особое внимание уделяется новым формам согласования.

В гл. VI «Лексика» (стр. 176—266) подробно рассматриваются изменения в лексическом составе адыгских литературных языков с учетом того, что в разные периоды развития лексики этих языков действовали различные тенденции и по-разному решались вопросы соотношения исконной и заимствованной лексики, проблемы образования новых слов, калькирования и т. д. В рецензируемой книге показана неравномерность развития отдельных лексических групп, роль старых заимствований, освещена судьба неологизмов 20—30-х годов, переосмысле-

ние исконных и заимствованных слов, динамика собственных имен и т. д.

В целом З. Ю. Кумаховой исследуется большой круг ранее неразработанных проблем развития адыгских литературных языков, критически и объективно оцениваются существующие взгляды и мнения по многим вопросам³ и почти во всех случаях предлагается свое решение. Ряд проблем, рассматриваемых в рецензируемой книге, в том числе степень проницаемости разных уровней языка, условия образования новых фонологических оппозиций, разнонаправленность тенденций развития морфологической системы, возникновение синтаксических конструкций под влиянием иной языковой среды и др., имеет общелингвистическое значение. Все это позволяет считать исследование З. Ю. Кумаховой новым шагом вперед в изучении адыгских литературных языков.

А. Х. Шарданов

³ Обширен список привлеченной литературы, см. стр. 267—275 (стр. 276—278—сокращения названий тех изданий на адыгском языке которые были использованы в качестве материала для исследования).